

РОДИНА

Выше Усмани
поныне
сохранился древний вал.
Он громадою полынной
за степным курганом встал.
Мимо мчат автомобили,
и с утра до темноты
грозовые тучи пыли
оседают на кусты.
Я теперь уже не знаю:
это клен или вошла
и дрожит в земле прямая
оперенная стрела.
Словно желтые страницы,
перелистывай лета.
Путь Руси. Ее граница.
Белгородская черта.
Не ограды, не крылечки —
топь на месте городка.
Лес нетронутый. И речка —
безыменная пока.
Положив мешок к пищали,
человек с клеймом на лбу,
трудно двигая плечами,
рубит первую избу.
Правдолюб,
кому он ведом
в славе былей вековых?
Заклейменный,
был он дедом
русских прадедов моих.
Это он, покинув Тускарь,

с васильком на бердыше,
шел на половцев от Курска,
пил из Дона в камыше.
Это он в холодный вечер,
как недавно на Орду,
шел, хрипя, бояр увечить
в кровью меченном году.
Это он корой питался,
брел к неведомым местам,
в книгах пасынком считался,
в тайных песнях сыном став.
Он лежит под этим валом,
здесь его последний дом, —
редким выстуком сказало
сердце вещее о нем.

Тишина.

Недвижен колос.

Пыль осела на полынь.

И звенит далекий голос
самой близкой из былин.

И — не книжная — впервые,
в сердце, бьющемся едва,
открывается Россия
чувством кровного родства.